

ХРОНОТОП КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В РАССКАЗАХ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Т.В. Губанова

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Ключевые слова и фразы: авторская интенция; интертекстуальность; преподавание литературы в вузе; пространственно-временные отношения; хронотоп.

Аннотация: Через хронотопические отношения определена специфика нарративной структуры цикла рассказов Л.Е. Улицкой «Люди нашего царя», выстроена типология хронотопов главных персонажей произведений писательницы.

Для того чтобы определить пространственно-временную форму произведения, внутритекстовую среду произведения (хронотоп), надо рассмотреть также систему характеров, пейзажей, портретов, вводных эпизодов в совокупности с сверткостекстовой сферой (ассоциативным фоном произведения), который одни ученые называют «интертекстуальностью» [1, с. 3], а другие «сверткостекстом» [2].

Необходимо учитывать, что не менее важную роль в создании художественного мира играют скрытые ассоциации, которые заложены в тексте в редуцированном виде, а разглядеть и «развернуть» их, увидеть их в связи с целым миром должен читатель. Это сигналы дистанцированных связей между отдельными элементами текста или отдельными образами основаны на повторе, сходстве или контрасте [3, с. 371]. Также они содержатся в портретных и пейзажных описаниях.

В рассказах Л. Улицкая идет от частных вопросов к вневременным, вечным, с цикличным хронотопом, поэтому зачастую одни и те же произведения исследователи относят то к повестям, то к рассказам. Доминирующая жанровая форма – циклы рассказов и повестей обусловили выбор определенных приемов художественной изобразительности, среди них организация пространственно-временных отношений, портретные и пейзажные символизации, использование предметно-бытовых деталей.

Действие большинства произведений цикла «Люди нашего царя» чаще всего происходит в замкнутом топосе. Но первый рассказ «Путь осла» раздвигает границы хронотопа и в метафизическом, и в реальном (в гео-

Губанова Т.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология», e-mail: postmaster@kafruss.tstu.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

графическом и во временном) планах. Автор-повествователь стремится выразить свое отношение к путям христианства в современном мире, но показывает его от колыбели (Древний Рим) до начала XXI века, от зеленых долин Франции, Британии, Сирии, Италии до снегов России, вводя эпическое, мифологическое время, кроме бытового, биографического и природного.

Конкретное личное время центральных персонажей Женевьев и Марселя постепенно переходит в эпическое, вечное, а герои живут в бытовом и вневременном пространстве. Вымершая деревушка «в четыре дома, из которых два были необитаемы... Часовенка, стоявшая между четырьмя домами, была закрыта», но там «Пастух-монах служит мессе “для Господа Бога и своей матери”» [4, с. 14]. Это точка вселенной, в которой сошлись Марсель (из Таиланда) и Женевьев (из Парижа), русская писательница (из России), а также «немолодая негритянка» (из Америки), «десятилетняя девочка с больным младенцем», а также подруги, бывшие мужья, вторые жены, братья, чтобы осенью пережить чудо Рождества. Праздничный хронотоп и природный не совпадают, для того чтобы утвердить возможность Благодати везде и в любое время: «Я усомнилась, не выскочила ли я из реальности в сон или кинематограф?» [4, с. 16].

Перемещение в прошлое происходит в рассказах Л. Улицкой с помощью параллельных путей: старой римской дороги, построенной в первом веке, и европейской автострады. Автор «организует пространство памяти образами ушедшей эпохи, ее знаками» [5, с. 376]. Расширение повествования за счет другой реальности приводит к тому, что смыслы происходящего приобретают глубину вечности. Таким знаком варварских цивилизаций, «сгинувших племен» становится «сводчатое помещение неопределенного назначения», из потолка которого «торчали крюки, и падающие от них тени зловеще ломались на гранях сводов», напоминая о кровавых временах. «Жестяные крюки» держат в доме Женевьев даже полотенце. Прошлое здесь «восстало из праха» [4, с. 16]. Возвращение библейских времен знаменуют и «пресные лепешки», выпеченные в железной печурке, и ягоды, собранные в лесу, а исторические времена представлены книгами «История наполеоновских войн» и «Библия», а также старинной музыкой Баха и Шуберта, которая звучит под сводами дома.

Появление ягненка, пастуха с евангельским именем Марк, падающей звезды в доме Осла – все эти знаки вечности вывели обычную встречу друзей в загородном доме во вневременной сакральный план.

Та же самая хронотопическая система характерна для рассказа «Приставная лестница», где полусгоревший барак – не только знак войны, военного времени, но символ всей истории России, а лестница на второй уцелевший этаж, которую ежедневно штурмует безногий инвалид и втаскивающая огромного мужа Василия на себе по приставной лестнице вверх – знак многострадального русского народа, топящего в водке свое горе.

Будущее семьи представляется в виде комнаты, которую дадут отцу, но Нинка выталкивает отца через дыру с лестницы вниз, в преисподнюю, чтобы спасти мать. Но отец, спасенный самогонщицей Кротихой, возвращается в их пространственно-временной локус, потому что «с небеси падал... выделанный снег», то есть вмешались силы иного мистического хронотопа.

Причем для отца выпадения из бытового хронотопа не было: он не проснулся от падения. Но вскоре, обеспечив комнату-будущее для своих детей – ушел добровольно и навечно в inferнальный хронотоп.

К демоническому колориту inferнального хронотопа относятся мотивы темноты (погас свет), пустоты, безлюдности (пустые коридоры), окаменения или остолбенения, из-за которых Женя не смогла войти к умирающему отцу. Важную роль играет сакральное число три (двери), среди которых металась Женя.

Кроме внешнего хронотопа имеется внутренний, интроспективный хронотоп Жениной рефлексии. Внутренний хронотоп характеризуется опустошенностью, но не демоничностью.

Замкнутый коридорный локус преследует героиню рассказа «Коридорная система» и в ее снах. Она живет одновременно и в реальном времени, и в прошлом, вспоминая детство, и в мистическом хронотопе, боясь повторяющегося сна. В сознании прокручиваются одни и те же сцены из жизни и смерти матери, а затем из жизни и смерти отца.

Коридор – знак ограниченности пространства и времени, гроба, конца земного бытия, как кошмар, преследует Женю, измученную душой от переживаний смерти родителей. У героини нет выхода, потому что она живет прошлым, нет перспективы избавиться от ужаса: «Она знала, что до конца жизни будет видеть этот сон, а когда умрет, то попадет туда окончательно, и будет бежать по этому коридору в ужасе, в отчаянии, в отвращении к отцу, к себе самой, а в минуту счастливого отдохновения «будет видеть милую мать с дымящейся сковородкой в руках» [4, с. 41].

В «Великом учителе» хронотоп отличается документальной точностью, что подчеркивает скрупулезность природы Геннадия Тучкина.

У Гены преобладает хронотоп мечты (внутренний) о «возвышенном и необыкновенном», поэтому, рассматривая фотографию Учителя, герой попадает во внутренний хронотоп: «От фотографии как будто исходил жар. ...Такого потрясения Гена не испытывал ни разу в жизни» [4, с. 47]. Но тут он возвращается в прошлое, и повествование расширяется за счет другой реальности, возникающей в воспоминании о службе в армии в Таджикистане, об аварии и чудесном спасении. Обращение к ретроспективному хронотопу вызывает расширение первоначальной характеристики героя, которая дополняется, углубляется.

Гена недолго живет в хронотопе мечты: «Как переменялась жизнь Геннадия! Ту прежнюю свою жизнь он видел теперь как растительное существование, а теперешняя новая вся была мысленная, парящая» [4, с. 48]. Гена с жалостью смотрит на всех людей, ведь теперь ему открылось знание, «предназначенное для тех, чей разум пробужден к Добру и Любви» [1, с. 48]. Вернувшись в реальность, герой не смог измениться.

В «Дезертире» с помощью иронии создается топос; место действия, его атрибутивными признаками становятся грязный пол и овчарка, которая, проходя мимо Тильды, «приостановилась, проявила интерес. Но хозяин дернул за поводок, и она покорно пошла с ним» [4, с. 54].

Из-за собаки Ирина меняет места проживания, скрывается. И в новых топосах подтверждается ее нелюбовь к мужу, которую заменила привязанность к собаке.

В «Кошке большой красоты» неизменность внешнего хронотопа хозяйки не дает ей справиться с жизненной сменой ориентиров: вместо служения вздорной кошке – любить детей и внуков, которых не видела три года. А отъезд Нины Аркадьевны в Америку изменил «царственное» положение Пусси и расставил все по своим местам, избавив героиню «от добровольного рабства».

Существование Пусси в мистическом хронотопе (мяуканье в трубке) иронично, оно призвано раскрыть оставшийся в душе Нины Аркадьевны страх перед бешеной кошкой.

В рассказе «Том» внешние хронотопы Тома и Витька почти совпадают, но если собака сразу отказывается от прошлого, воспринимая бродяжническую жизнь со страхом и отвращением, то Витек сочувствует наглому бомжу, поселившемуся в подъезде: «...душой он не принадлежал к тем, кто жил за кодовыми замками, он был хиппи-переросток, мальчик за сорок, бродяга... привыкший жить, не думая о завтрашнем дне, по-птичьему...» [4, с. 75].

Витек возмущается безобразным поведением бомжа, но смотрит на него «с грустным чувством социального предательства»: «он был настоящий интеллигент... хотя и полностью деклассированный», но тайно презирал дававшую ему тепло семейного очага Мамахен» [4, с. 76].

Авторское отношение к деградации человека, какое являл собой бомж, проявляется не только через ужасную смерть персонажа возле оставленной им «теплой кучи», пережившей своего создателя, но и через вынесение в заголовок не имени человека, а клички собаки, оказавшейся «человекообразнее» бродяг.

В «Коротком замыкании» одновременные внешние хронотопы персонажей не совпадают с внутренними. Посредством символики света и тьмы автор-повествователь изображает inferнальность внутреннего хронотопа Галины Андреевны и противопоставляет ему «Божеский свет» в душе Ивана Мстиславовича, превратившего свою жизнь (жизнь больного старика-слепца) в наслаждение божественной гармонией мира.

Во внешний хронотоп Инги («Установление отцовства») «втягивается» любящий ее Леня, которого она время от времени бросает с очередным ребенком, рожденным от другого мужчины. Инга меняет города вместе с новыми мужьями. И даже когда Леня женился на сослуживице Кате и зажил в другой квартире с «собственной дочкой Леночкой», то через четыре года Инга вернулась с тремя чужими детьми, и Леня снова был втянут ее хронотопом: развелся со своей родной женой и снова женился на Инге.

Вместе с ней он меняет место жительства, убегая от преследований ее бывшего мужа Саида. Inferнальная Инга снова влюбилась в начальника, и внешний и внутренний хронотопы изменились. Леня вновь вернулся в Москву к старой жене и жил в старом дворе.

В финале хронотоп Инги снова стал единым для Лени: он бросил Катю и вернулся к Инге навсегда. Через постоянную смену хронотопов героев утверждается авторская мысль, что настоящая любовь милосердна и способна простить все, ведь в Ленином сердце всегда была только Инга, которая никогда его не любила и любить не могла, пребывая в inferнальном хронотопе.

Итак, с помощью хронотопа вечности, через христианский интертекст Л. Улицкая подытоживает в притче «Последнее» все варианты проблемно-тематической системы, представленной в книге «Люди нашего царя», обнаруживая при этом незавершенность решения этих сложнейших и деликатнейших вопросов в своем творчестве.

Список литературы

1. Попова, И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский) / И.М. Попова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1997. – 154 с.
2. Корман, Б.О. О целостности литературного произведения / Б.О. Корман // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1977. – № 6. – С. 120–150.
3. Агеносов, В.В. Русская проза конца XX века : учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Агеносов, Г.М. Колядич, Л.А. Трубина. – М. : Академия, 2005. – 424 с.
4. Улицкая, Л.Е. Люди нашего царя / Л.Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2007. – 365 с.
5. Колядич, Т.М. Людмила Улицкая / Т.М. Колядич // Русская проза конца XX века : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. Т.М. Колядич. – М., 2005. – С. 369–390.

Chronotopos as Implementation Technique of Author's Intention in Lyudmila Ulitskaya's Stories

T.V. Gubanova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: author's intention; chronotopos; intertextuality; space-and-time relations; teaching Literature at university.

Abstract: Through chronotopos relations the specific character of narrative structure of the cycle of stories "People of our Tsar" written by L.E. Ulitskaya is revealed; the typology of chronotopos of the main characters in the writer's works is constructed.

© Т.В. Губанова, 2010